

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

Е. В. ПЕРЕПЕЛИЦА^{1), 2)}

¹⁾Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Высшая школа экономики, пер. Большой Трёхсвятительский, 3, 109028, г. Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается новое направление информационно-правовых исследований, связанное с автоматизированными коммуникациями. Обращается внимание на статичность правовых подходов, с помощью которых иногда оцениваются процессы сетевизации и платформизации. Проведенный анализ является шагом к разработке теории, дающей системно организованное представление об информационном (сетевом, бесшовном, компьютерно опосредованном) взаимодействии с точки зрения его юридической номинации, соотносённости с различными элементами структуры информационного права. Ставится вопрос о задачах, решаемых с помощью автоматизации как средства, в том числе о коммуникации государственных и общественных институтов, согласовании публичных и частных интересов. Показываются новые подходы к структурированию права, использование которых создает предпосылки для стабилизации его состояния в условиях стремительно меняющейся информационной реальности.

Ключевые слова: сетевизация; взаимодействие на виртуально-сетевых платформах; регуляторика; право на коммуникацию; системология информационного права; сегментация права; метаюридические основания.

AUTOMATED COMMUNICATIONS IN STRUCTURAL ORGANISATION OF INFORMATION LAW

Е. V. PEREPELTSIA^{a, b}

^aNational Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus,
1a Bersona Street, Minsk 220030, Belarus

^bHigher School of Economics, 3 Bolshoi Trekhsvyatitelskii Lane, Moscow 109028, Russia

Abstract. The article is devoted to a new direction of information and legal research related to automated communications. The author draws attention to the static nature of legal approaches which help sometimes to assess the processes of networking and platformisation. The carried out analysis is a step along the way of development of a theory that gives a systematically organised idea of information (networked, seamless, computer-mediated) interaction in terms of its legal nomination, correlation with various elements of the information law structure. The author raises the question about the problems solved using automated interaction, including communication between government and public institutions, coordination of public

Образец цитирования:

Перепелица ЕВ. Автоматизированные коммуникации в структурной организации информационного права. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2025;1:12–19.
EDN: OENUDH

For citation:

Perepelitsa EV. Automated communications in structural organisation of information law. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;1:12–19. Russian.
EDN: OENUDH

Автор:

Елена Васильевна Перепелица – кандидат юридических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и информационного права Института правовых исследований¹⁾, ассоциированный член кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам²⁾.

Author:

Elena V. Perepelitsa, PhD (law), docent; leading researcher at the department of research in the field of state construction and information law, Institute of legal research^a, and associate member at the UNESCO chair on copyright, neighboring, cultural and information rights^b.
elenaperepelitsa@rambler.ru

and private interests. New approaches to structuring of law, the use of which creates prerequisites for stabilisation of its condition in the rapidly changing information reality are shown.

Keywords: networking; interaction on virtual network platforms; regulation; right to communication; systemology of information law; segmentation of law; metalegal grounds.

Введение

Сетевые информационные технологии подготавливают тектонический сдвиг в «логике построения социальных связей» [1, с. 165]. Изначально «механизм сетевой коммуникации... был разработан в годы холодной войны с целью обеспечения безопасности коммуникационных структур» [2, с. 225], в дальнейшем данное изобретение стало применяться буквально во всех сферах жизни. Процессы, суть которых составляют «сетизация, использование мультимедийных средств, мобильной связи и т. д.», меняют картину существующих общественных отношений [3, с. 16]. Параллельно кристаллизуются их новые виды, типы, способы организации. С помощью цифровых изобретений многие устоявшиеся процессы становятся неупорядоченными. Восполняя имманентную потребность человека в общении, высокотехнологические средства одновременно приводят к «нарушению и разрушению естественной структуры коммуникации» [4, с. 49]. Опасности сетевизации в известной мере отражены

научным юридическим сознанием, тогда как не менее значимые по последствиям ее положительные стороны подчас не получают должного внимания.

Информационное право призвано создавать новые познавательные модели стремительно меняющейся реальности. Данное обстоятельство в полной мере сказывается на структурной организации одноименной отрасли права, к научному обоснованию которой причастны М. С. Абламейко, Ю. М. Батулин, И. Л. Бачило, Г. А. Василевич, Н. Н. Довнар, Г. Г. Камалова, Н. Н. Ковалёва, Н. В. Кроткова, П. У. Кузнецов, Д. А. Ловцов, В. Н. Лопатин, О. С. Макаров, А. В. Минбалева, Л. Н. Мороз, А. В. Морозов, В. Б. Наумов, Т. А. Полякова, И. М. Рассолов, А. А. Тедеев, Л. К. Терещенко, М. А. Федотов, В. А. Шаршун, Т. З. Шалаева и др. В то же время влияние информационного права постоянно распространяется на все новые группы общественных отношений, при этом существуют такие сегменты, предельный смысл которых еще не раскрыт, и их местоположение в отрасли нестабильно.

Основная часть

Возникновение связей, «развитие общественных отношений в новых, ранее неизвестных направлениях» [5, с. 159] – обстоятельства, не всегда соответствующие статичным правовым подходам, на которые мы привыкли полагаться. Невозможность просчитать ситуацию заранее доставляет немало забот профессиональному юридическому сообществу, призванному мыслить как минимум со скоростью, соответствующей скорости развития технологий. Достижения прогресса способны разрушить любые наши планы. О всей серьезности испытания, выпавшего на долю нынешнего поколения правоведов, заявляет П. У. Кузнецов: «В правосознании возникают зоны турбулентности (потрясения), крайние точки зрения о “ветхом” состоянии правовых средств, которые уже не справляются с бурными событиями цифрового времени» [6, с. 57].

Вслед за погружением общества в среду обратных связей в информационное право проникают категории, передающие коммуникативную реальность, в том числе те, содержание и статус-кво которых предстоит до конца прояснить (компьютерно опосредованное общение, взаимодействие на виртуально-сетевых платформах). Порой законодательство и практика разных юрисдикций, не давая подробной

расшифровки используемым терминам, допускают их взаимозаменяемость. Активно используются сопредельные термины, близкие и далекие по содержанию. Преждевременно говорить об определенных критериях деления разнообразных форм информационного взаимодействия, но их наличие положительно сказалось бы на правоприменении. Регуляторика может быть поставлена в зависимость от той базы, на которой происходит коммуникация, будь то цифровые сервисы, технологические платформы, общение с помощью языка программных кодов и т. д.

В результате наложения одного вида информационного взаимодействия на другой возникают сросшиеся, гибридные модели. При этом «разные формы коммуникации во многом слились благодаря достижениям в сфере искусственного интеллекта» [7, с. 174]. Источниками дополнительной неопределенности выступают квантовые коммуникации, коммуникации в метaprостранстве, имеющие свою конкретность. Нельзя исключить, что в перспективе каждый вид коммуникации будет наделяться своим нормативным статусом.

Из понятий данного кластера в отечественном информационном законодательстве больше всего утвердилось понятие «информационное

взаимодействие»¹. В нормативных правовых актах разной отраслевой природы встречаются терминологические обороты «взаимодействие посредством электросвязи» и «взаимодействие в информационном пространстве». Для программных документов по цифровизации характерна многозначность: наряду с преобладающим словосочетанием «информационное взаимодействие» употребляются термины «взаимодействие в автоматизированном режиме», «интернет-коммуникации», «коммуникации в информационном пространстве», «телекоммуникации», «электронное, информационно-технологическое, бесшовное, цифровое взаимодействие», «взаимодействие на принципах интероперабельности», «взаимодействие в электронной форме»² и др. У них есть немало общего, но имеются особенные, а также единичные черты.

В споре о коннотациях, которыми пользуются юридическая теория и практика применительно к освещаемой теме, можно незаметно погрузиться «в сферу “исследования понятий” вместо изучения явлений» [8, с. 569]. Для удобства назовем разные формы информационного взаимодействия автоматизированными коммуникациями. Также позволим себе несколько абстрагироваться от лексико-юридических нюансов и погрузиться в системологию информационного права. При попытке уяснить местоположение автоматизированных коммуникаций в отрасли будем опираться на ее фактическую структурную организацию.

Как бы то ни было, автоматизированные коммуникации слабо напоминают целостную структуру. В свое время инициатива по разработке специальных коммуникационных кодексов была выдвинута во Франции, где представители юридической элиты считали право на коммуникацию недостающим звеном правового статуса личности³. Попытки номинировать данное право предпринимались в русскоязычном пространстве [9, с. 24].

Обобщенно устройство информационного права описывает так называемая парадигма трех китов [10], введенная И. Л. Бачило и впоследствии поддержанная другими специалистами. В рамках указанной парадигмы ведущими признаются суперинститут «Информационные ресурсы, инфор-

мационные технологии, коммуникации, включая интернет», суперинститут «Право на информацию (общее) и право конкретных субъектов на действия с информацией» и суперинститут «Правовое обеспечение информационной безопасности» [11, с. 9]. В данной триаде коммуникации идут следом за информационными ресурсами и технологиями, представляя вместе с ними звенья единой цепи. «Жизненный цикл информационного ресурса, – объясняет И. Л. Бачило, – немыслим без системы связи и передачи информации по системе субъектов: создателей, обработчиков, держателей, посредников по передаче (коммуникации) информации пользователям»⁴. Таким образом, коммуникации неразрывно связаны с информационными ресурсами, они являются их органичной частью. На этот счет следует заметить, что многое их действительно сближает, однако не все в коммуникации предопределено логикой информационного ресурса. Скажем, функциональные особенности свидетельствуют о самоценности сетевых коммуникаций и их непоглощаемости другими информационно-правовыми конструкциями. Автономность определяется свойством автоматизированной коммуникации осуществляться в разных воплощениях без привязки к конкретному информационному ресурсу, т. е. по отдельной траектории. С учетом артикуляции информационных ресурсов как находящейся в чьей-то собственности совокупности данных с присущими им «правовыми характеристиками объекта правоотношений» [12, с. 104] становится ясно, что коммуникации не всегда соотносятся с информационными ресурсами.

Базисная парадигма внесла упорядоченность в российские источники по информационному праву. Она предвосхитила легитимацию белорусского информационного права, сыграла для него роль своеобразного камертона. Отдавая должное трехкомпонентной модели, заметим, что она презюмировала лишь титульные признаки автоматизированных форм взаимодействия. Хотя коммуникации были отнесены к суперинституту информационного права, их место в структурной организации отрасли удалось установить в самом первом приближении.

Здесь потребуются ремарка. Наряду с парадигмой трех китов существуют другие воззрения на

¹Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

²О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025 ; О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025 ; рекомендации Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по итогам парламентских слушаний на тему «Развитие цифрового права в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] : постановление Палаты представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, 10 янв. 2025 г., № 141-П8/1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025 ; Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорус. нар. собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2025.

³Шарков Ф. И. Интегрированные коммуникации: правовое регулирование в рекламе, связях с общественностью и журналистике. М. : Дашков и К°, 2016. С. 115–128.

⁴Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право. СПб : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 96.

устройство информационного права. Например, Д. И. Ловцов считает, что оно состоит из четырех компонентов: медиаправа, права информационной безопасности, компьютерного права и телематического права [13, с. 49]. Оригинальностью отличается двухзвенная структура особенной части информационного права, в которую входят информационное экономическое право и информационное гуманитарное право⁵. Несмотря на разнообразие моделей структуры отрасли, ни одна из них не возникла в обход моделей, предложенных И. Л. Бачило и М. А. Федотовым, которых Ю. М. Батулин назвал аттракторами [14, с. 29, 37], т. е. центрами, «притягивающими к себе множество траекторий» [15, с. 15]. С одной стороны, названные ученые-юристы создали науку информационного права, с другой – глубинные догматические разногласия между ними повлияли на ее развитие.

Одно из центральных противоречий вызвано различным отношением к праву массовой информации. Профессор М. А. Федотов уверен, что это право примерно на десять лет опередило информационное право и приобрело необходимые основания для дифференциации и самостоятельности [14, с. 29]. Нормы права массовой информации «образуют вторичную юридическую целостность в системе права, не нарушая при этом архитектонику основных отраслей и не выходя из их структуры»⁶. В свою очередь информационное право расценивается как многоуровневое образование, состоящее из институтов информации, электронной цифровой подписи, информационных прав и свобод⁷. Профессор И. Л. Бачило воздерживалась от признания права массовой информации, считая, что оно не имеет достаточных признаков самостоятельности и не сводится лишь к зоне действия информационного права.

Наличие аттракторов отчасти объясняет несостоявшуюся кодификацию российского информационного законодательства. Заметим, что рациональная организация информационно-правового материала – задача исключительной сложности для большинства национальных правовых систем, в том числе для правовой системы Республики Беларусь. История развития информационного права ознаменована напряженными поисками устойчивых оснований и предпосылок для кодификации растущего нормативного массива, определением объектов, которые должны входить в приемлемо выстроенную общую часть кодифицированного нормативного правового акта. В последние годы все чаще речь идет о цифровом кодексе, однако определение «цифровой» не вполне корректно, оно «оставляет за бортом кодекса все отношения по поводу иных информаци-

онных технологий – аналоговых, гибридных, оптических, квантовых и др.» [16, с. 175].

На сегодня визуализированы юридически значимые свойства массовых коммуникаций, существенно углублены информационно-правовые представления о правовом регулировании отношений в сфере организации и деятельности средств массовой информации. Специалисты, которые сначала были сторонниками трехкомпонентной парадигмы, теперь отстаивают другую точку зрения, статусно приравнивают право средств массовой информации к подотрасли информационного права [17, с. 28]. При этом не учитываются собственно автоматизированные коммуникации. Их категориальные особенности и положение в структурной организации информационного права описываются эпизодически. Между тем приходит осознание, что этот особый промежуток (вспомним зоны турбулентности) не входит в состав права массовой информации и не соотносится с другими структурными элементами отрасли.

Сетевая среда дает конкурентные преимущества средствам массовой информации, заметно расширяет спектр их функций. Если прежде средства массовой информации выполняли функцию донесения контента до адресата и рассматривались как способ «информационного обслуживания массовой аудитории и социальных институтов»⁸, то теперь распространение новостей не является основной целью соответствующего социального института. Транслирование сведений и освещение событий уступают место коммуникационным задачам. В этом смысле нужную демаркировку обеспечивает понятие «право массовых коммуникаций». Но право средств массовой информации становится равнозначным праву массовых коммуникаций в случае гибкой стратификации представляющих его субъектов.

Информационные (цифровые, электронные, онлайн) коммуникации могут быть качественно особенными от массовых коммуникаций. В сказанном убеждает сравнительный анализ права средств массовой информации и права автоматизированных форм взаимодействия как структур информационного права, находящихся в тесной связке.

Первое различие между ними находится в плоскости понятия «массовость». Право средств массовой информации рассчитано на массовую аудиторию, тогда как автоматизированные коммуникации отличаются большей вариативностью и бывают не только массовыми, но и межличностными, групповыми, межгрупповыми, коллективным и др.

Второе различие касается круга участников рассматриваемых сфер. Обязательной стороной коммуникативного процесса средств массовой информации

⁵Тедеев А. А. Информационное право (право интернета). М. : Эксмо, 2005. С. 11.

⁶Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право... С. 291.

⁷Информационное право / под ред. М. А. Федотова. М. : Юрайт, 2019. С. 23.

⁸Тендит К. Н., Иванов А. В. Теория и практика массовой информации. Комсомольск-на-Амуре : КнАГТУ, 2013. С. 18.

выступают традиционные средства массовой информации (печатные, телевизионные, радиовещательные) и новые средства массовой информации (сетевые издания, интернет-ресурсы). Этот перечень пополняется за счет омнимедиа [18] и других акторов. Круг участников автоматизированных коммуникаций отличается большей широтой, в него не обязательно входят средства массовой информации.

Третье различие связано с тем, что в виде сетевой и других форм онлайн-коммуникации мы всегда имеем дело с технологизированным взаимодействием, тогда как средства массовой информации могут в тех или иных ситуациях использовать более традиционные его формы. Как нормативный комплекс, это право пересекается с сетевым взаимодействием в той степени, в которой средства массовой информации пользуются инновациями. По мере роста технологической оснащенности медиа включаются в интернет-коммуникацию, но в остальном соответствующий участок правоотношений выведен из-под действия правил цифрового общения.

Наконец, четвертое различие касается предмета юридической регламентации. В белорусской медиасфере в этом качестве выступают средства массовой информации, единые правила для них и конкретная группа общественных отношений, последовательно урегулированных на уровне профильного нормативного правового акта⁹. В то же время область регуляции автоматизированного взаимодействия несколько размыта и раздроблена. С помощью автоматизации как средства решается обширный спектр правовых, управленческих и социальных задач (взаимодействие между субъектами нормотворчества, оказание государственных услуг населению и др.). Одна из ключевых задач, позволяющих раскрыть положительный потенциал этого средства, – коммуникация государственных и общественных институтов. Основная цель заключается в том, чтобы сделать автоматизированное взаимодействие средством согласования и балансировки публичных, общественных и частных интересов.

Право средств массовой информации и дистантное взаимодействие имеют близкую природу. Тем не менее словесная конструкция, которую условно обозначим как коммуникационное право, с юридической точки зрения не является тождественной праву средств массовой информации и имеет дело с качественно иным способом институционализации феномена коммуникации. Есть основание говорить о различных формах и видах автоматизированного взаимодействия как об особом объекте информационного права, готовом так или иначе от него отмежеваться.

Заметим, что коммуникационное право не единственный «кандидат» в составе отрасли, желающий от нее дистанцироваться, примерить на себя более самостоятельную роль. На самореферентность претендуют компьютерное, кибернетическое и платформенное право. Ранее о себе заявляли сетевое право, право информационно-коммуникационных технологий, интернет-право. Благодаря синтезу норм, регулирующих отношения в сфере искусственного интеллекта, вырисовываются контуры робоправа – особого надсистемного межотраслевого образования. По сходному сценарию готовы последовать право киберпространства и право цифровой среды, уже сейчас выдаваемые за суверенные нормативные конструкции, хотя скорее они представляют собой локализуемые области исследований. Примерно наравне с ними движутся экосистемное и квантовое право. Пожалуй, наиболее ярко на внутренней структуре информационного права отражается эмансипация цифрового права, которое стремится «перехватить эстафету» у своего прародителя, вплоть до претензий на полный суверенитет. «Любое явление, обладающее собственной оригинальной логикой развития, достойно некоего обособления» [19, с. 21], и разнообразие «претендентов на самостоятельность» демонстрирует непостоянство звеньев информационного права как отрасли, раньше и отчетливее прочих отзеркаливающей гонку и соревнование технологий.

В контексте освещаемой проблематики интересны даже не столько логические парадоксы (поглощено ли информационным правом право массовой информации, или оно переросло в отдельную конструкцию, приблизилось ли цифровое право к состоянию «собственной юридической бытности»¹⁰, или пока довольствуется подчиненным положением), сколько связующие линии между разными императивами, которые помогут обрести им равновесие. Важно понять, остается ли общая структурная организация права в условиях быстро меняющейся информационной реальности той же самой либо существенно усложняется.

Примем во внимание факт, что советская традиция ставила деление права на элементы в жесткую зависимость от предмета и метода правового регулирования как высших и безальтернативных классификационных критериев. Раньше они, как правило, не брались под сомнение. Данные критерии действительно предохраняют право и законодательство от распада. Но и в прошлых, и в настоящих исторических условиях подчинение права предмету и методу было и остается не абсолютным, а сама значимость

⁹О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

¹⁰Полежаев О. А. Право новых технологий, практика комплексной юридической проверки (due diligence) при подготовке сделок в сфере новых технологий, новые технологии автоматизации юридической работы (legal tech) / под общ. ред. Л. А. Новосёловой. М. : Проспект, 2023. С. 58.

названных критериев, как это видят специалисты, сильно преувеличена [20, с. 278]. В современных условиях «предмет правового регулирования становится практически беспредельным» [21, с. 10], что хорошо иллюстрирует пример информационного права. Нужно, не откладывая, искать другой оплот стабильности, возможность сглаживания накапливаемых противоречий, благодатное поле для которых создают платформизация и сетевизация.

Важно понимать, что использование технологий «миновало стадию обеспечительную и обслуживающую» [19, с. 20]. Самостоятельную роль сетевых информационных технологий доказывает тот факт, что они стремительно «вытесняют аналоговые формы бытия» [22, с. 179]. Это обстоятельство свидетельствует о новой сегментации системы права и системы законодательства, о чем напоминают многочисленные примеры правовых конструкций, «внеотраслевых нормативных общностей» [23, с. 49], существующих как бы вопреки четко определенным предмету и методу. «Создаются новые алгоритмы коммуникаций, где право переводится в “цифру”, т. е. “коды”», из-за чего «утрачивается традиционное деление права на отрасли» [5, с. 152]. Функциональные возможности «старых» критериев более чем ограничены. Так, с их помощью плохо удастся соотнести такое порождение прогресса, как метаверс, представляющий собой «виртуальное пространство, существующее одновременно с физической реальностью и дополняющее ее» [24, с. 163], либо с частноправовой, либо с публично-правовой сферой. Отсутствует однозначная аккредитация вещей, которые прежде не существовали, например, цифровых сущностей, одинаково не совпадающих по своим типологическим свойствам ни с субъектами, ни с объектами правового регулирования. Для решения данной проблемы недостаточно установить специфику «субъектного состава отраслевых правоотношений и правовом режиме отрасли» [25, с. 78].

Согласимся, что «невероятная разрозненность норм и их скоростная изменчивость – общая черта IT-сферы» [26, с. 141]. Опираясь на традиционные критерии структурной организации права, сложно объяснить, почему юридическое сообщество вынуждено «прибегать к переформулированию научных определений с каждым новым достижением метаинформационных технологий» [27, с. 139], а также понять, до каких пределов простираются границы тех или иных «циклических правовых массивов» [28, с. 90]. С таким же успехом привычные критерии применяются для того, чтобы ограничить ускоренный рост количества нормативных правовых актов. Рассматриваемая проблема полностью не снимается ситуативным добавлением вновь возникающих правовых конструкций, их отдельных элементов к уже существующим правовым конструкциям. В части наполнения наличной законодательной матрицы образованиями, привно-

симыми сетевизацией, как правило, применяются стратегии, свойственные аналоговому периоду развития права. Но суть проблемы заключается в том, что «законодатель уже не ориентируется и даже не успевает сориентироваться, придав разнообразным отношениям, в том числе интернет-отношениям, позитивное устойчивое состояние» [5, с. 156].

Отступить от привычных критериев, глубже постигнуть устройство современного права и приблизиться к определению места автоматизированных коммуникаций в информационном праве предлагает монография В. И. Червонюка «Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования» [23]. В ней поставлен принципиальный вопрос о том, что предмет и метод как критерии формирования права почти исчерпали свои возможности. Руководствуясь только этими критериями, все труднее находить способ избежать законодательной инфляции. Стабилизации можно достигнуть при условии перенастройки права как такового на креативных метаюридических основаниях, когда наряду с традиционными индикаторами формирования тех же правовых институтов применяются дополнительные. Ввиду высокой динамики социальных изменений право в его актуальном состоянии предстает как многослойная конструкция, «многоуровневое и многосоставное образование» [23, с. 18]. Новые технологии ничуть не угрожают ему бесструктурностью, нарушением стабильности, напротив, в «продуктах» прогресса есть преобразовательный потенциал, если грамотно ими распорядиться.

В эпоху «высокотехнологичной глобальной экономики» [29, с. 174] право становится многосоставным. Оно имеет разные уровни: «базовый, основной, субсидиарный, специальный» [23, с. 22], каждый из которых аккумулирует собственный набор переменных. Помимо структурных компонентов, действующих в стационарном режиме, в правовой контекст внедряются «внеотраслевые нормативные общности, отдельные “мигрирующие” институты и субинституты, вызванные к жизни процессами конвергенции и дивергенции» [23, с. 22]. Они отнюдь не превращают право в смесь неких изолированных и мало связанных друг с другом компонентов, но делают его структурную организацию значительно более сложной и неоднородной. Правдивость данного посыла прекрасно подтверждает информационное право – образец отрасли, почти с момента своего образования подверженной процессам «бифуркации, т. е. разветвления путей» [14, с. 23], но от этого не потерявшей своей целостности. В. И. Червонюк полагает, что еще одна ценная инновация касается способа правового регулирования, в качестве которого предстает метод согласования интересов, не имеющий строгой отраслевой привязки, – «надотраслевой интерпубличный и интерчастноправовой метод регуляции» [23, с. 808–809].

В концептуальных построениях упомянутого автора ощущается влияние идей Ж. Л. Бержеля, с точки зрения которого при наступлении определенных обстоятельств то или иное образование вырастает в меру правового института. Надо сказать, труды Ж. Л. Бержеля не вызвали особого интереса в постсоветском правовом дискурсе, более того, их достоинства всячески нивелируются. Тем не менее в учении французского правоведа есть то, что помогает обнаружить имплицитные предпосылки формирования будущих правовых конструкций. Предложенный Ж. Л. Бержелем метод, в свою очередь, помогает понять, как «избежать разлома в каркасе заостренного юридического порядка, который может быть спровоцирован эволюцией на уровне реалий действительности» [30, с. 350]. Также заметим, что глубина и эвристичность бержелевского учения о юридических институтах распознана И. Л. Бачило, которая считает, что данное учение позволяет фиксировать тенденцию роста новых институтов по мере роста потребностей общества [31, с. 27]. И эта мысль – самое ценное, что можно вынести из данного подхода применительно к обществу, охваченному сетями.

В соответствии с обычным прочтением правовой институт представляет собой главным образом стабильную совокупность правовых норм, регулирующих однородные комплексы общественных отношений. Классический подход предписывает видеть в правовом институте устойчивую (первичную) общность юридических норм. Но по большому счету такая трактовка рассчитана на предсказуемый доцифровой мир, она довольно слабо соотносится с сетевым миром с присущими ему «непредвиденными поворотами в развитии событий» [32, с. 205]. В традиционном значении правовые институты «обладают такой степенью выделения юридических

норм, что при изъятии из правового регулирования отдельного правового института становится невозможной регламентация данного вида общественных отношений» [33, с. 13]. Ранее разговор о правовых институтах предполагал в качестве обязательного условия наличие «входящей в отрасль (подотрасль) права обособленной группы взаимосвязанных юридических норм, регулирующих определенную разновидность или сторону однородных общественных отношений» [34, с. 116]. То есть правовой институт мог считаться таковым исключительно в ситуации, когда дело касалось группы сравнительно сходных отношений, а равно достаточно оформленного единства норм.

В виде автоматизированных коммуникаций как порождения технологического прогресса мы сталкиваемся с группой весьма разнородных общественных отношений, однако до сих пор нет окончательно сформированного единства правовых норм, их регулирующих. Кроме того данная сфера не обходится без регуляторов, имеющих техническую природу. В соответствующих конструктах опознаются черты самостоятельного правового образования. И хотя его контуры еще только вырисовываются, уже сейчас можно констатировать, что он представляет собой дорожную карту «легитимного перевода общего права в систему субъективных прав» [31, с. 27]. Нетривиальный взгляд на устройство права, изменение роли предмета и метода в его актуальной архитектуре помогают понять, как именно складываются правила по «управлению юридическими ситуациями определенного типа» [30, с. 320]. Этот подход переворачивает привычные представления о том, «чем являются и чем не являются правовые институты» [30, с. 327], и проливает свет на то, как вокруг особым образом организованных общественных отношений возникают правовые конструкты [30, с. 314].

Заключение

Проведенное исследование автоматизированных коммуникаций в структурной организации информационного права позволяет сделать следующие выводы:

- определение места, занимаемого в информационном праве автоматизированными коммуникациями, связано с переосмыслением устоявшихся представлений об общей системологии права;
- новые метаюридические основания структуризации являются средством, которое не позволяет праву дестабилизироваться в условиях тотальных трансформаций;

- причинами сложности правовой категоризации различных форм автоматизированного взаимодействия выступают неоднородность данного объекта и необходимость применения юридических и технических средств для его регуляции;

- технологический прогресс постоянно привносит в право образования, место и функциональное назначение которых не представляется возможным установить, ориентируясь на привычные представления о структурной организации права, а также предмете и методе правового регулирования.

Библиографические ссылки

1. Захарова МВ. *Учение о юридических картах мира*. Москва: Аспект Пресс; 2022. 264 с.
2. Меньшиков ПВ. *Медийное измерение мировой политики: эвристика критического осмысления коммуникации в новой реальности*. Москва: Прометей; 2022. 992 с.
3. Алексеева ИЮ, Никитина ЕА. *Интеллект и технологии*. Москва: Проспект; 2024. 96 с.

4. Талапина ЭВ. Права человека в Интернете. *Журнал российского права*. 2019;7(2):41–54. DOI:10.12737/art_2019_2_4.
5. Федорченко АА. Право и цифровая реальность: смена парадигмы. В: Рыбаков ОЮ, редактор. *Ценность права в условиях цифровой реальности*. Москва: Проспект; 2024. с. 142–164.
6. Кузнецов ПУ. Проблемы классификации информационных отношений. В: Полякова ТА, Минбалеев АВ, Наумов ВБ, редакторы. *Трансформация информационного права*. Москва: Институт государства и права РАН; 2023. с. 51–61.
7. Семёнов АЛ, Зискин КЕ. Расширенная личность как основной субъект и предмет философского анализа. Следствия для образования. В: Лекторский ВА, редактор. *Человек и системы искусственного интеллекта*. Санкт-Петербург: Юридический центр; 2022. с. 172–200.
8. Кабышев СВ. Фундаментальная юриспруденция как стратегическая основа национального правового лидерства. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2024;15(3):564–574. DOI: 10.21638/spbu14.2024.301.
9. Варламова НВ. Цифровые права – новое поколение прав человека? *Труды Института государства и права РАН*. 2019;14(4):9–46.
10. Бачило ИЛ. О неизбежном продолжении разговора о публичных услугах и более общих проблемах организации государственного управления (по поводу статьи И. Н. Барцица). *Государство и право*. 2014;4:53–57.
11. Бачило ИЛ. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности. *Труды Института государства и права РАН*. 2016;3:5–16.
12. Шалаева ТЗ. Информационные ресурсы: проблемы права собственности. *Вучонья записки Брэсцкага дзяржаўна-га ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна*. 2014;10(1):104–113.
13. Ловцов ДА. Системология информационного права. *Правосудие*. 2022;4(1):41–70. DOI: 10.37399/2686-9241.2022.1.41–70.
14. Батурин ЮМ. Метаморфозы информационного права. В: Полякова ТА, Минбалеев АВ, Наумов ВБ, редакторы. *Трансформация информационного права*. Москва: Институт государства и права РАН; 2023. с. 23–37.
15. Батурин ЮМ. *Распад государства: нелинейная история*. Москва: РАН; 2019. 58 с.
16. Полякова ТА, Минбалеев АВ, Кроткова НВ. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России. *Государство и право*. 2024;9:166–179.
17. Батурин ЮМ. Информационный протокодекс: системная композиция. В: Полякова ТА, Минбалеев АВ, Наумов ВБ, редакторы. *Правовое обеспечение суверенитета и кодификации информационного законодательства*. Москва: Институт государства и права РАН; 2024. с. 21–42.
18. Батурин ЮМ. «Информационное ателье»: омнимедиа и трансформация права. *Труды по интеллектуальной собственности*. 2023;46(3):9–19. DOI: 10.17323/tis.2023.17797.
19. Талапина ЭВ. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы. *Журнал российского права*. 2021;25(9):18–32. DOI: 10.12737/jrl.2021.108.
20. Грудцына ЛЮ. Цифровое право как комплексная отрасль российского законодательства. *Образование и право*. 2023;3:277–283. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-3-277-283.
21. Синюков ВН. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна. *Lex russica*. 2021;74(2):9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.009-020.
22. Гаврилова ЮА. Развитие ценностей права в условиях цифровизации. В: Рыбаков ОЮ, редактор. *Ценность права в условиях цифровой реальности*. Москва: Проспект; 2024. с. 176–206.
23. Червонюк ВИ. *Структура права: теория, методология, технологии и практики формирования*. Москва: Юстицинформ; 2024. 942 с.
24. Калишук ВО. Политико-правовые аспекты метавселенной: предпосылки, научное осмысление и перспективы внедрения в Беларуси. В: Демиров ВВ, редактор. *Метаверс – цифровой тренд экономики, общества и управления*. Минск: ИВЦ Минфина; 2024. с. 162–182.
25. Корнев АВ, Танимов ОВ. *Информационное право в условиях цифровой трансформации российского права*. Москва: Проспект; 2024. 256 с.
26. Костюк ИВ. Правовые аспекты при реализации облачных сервисов в России: проблемы позитивного регулирования. В: Волков АА, Огородов ДВ, редакторы. *Информационные технологии в юридической деятельности: телеправо*. Москва: Проспект; 2024. с. 141–147.
27. Батурин ЮМ. *От Интернета до виртуальной Земли и метавселенной (краткая история информационных технологий на критическом рубеже)*. Москва: ИИЕТ РАН; 2022. 230 с.
28. Хабриева ТЯ, Черногор НН. Право в условиях цифровой реальности. *Журнал российского права*. 2018;1:90–92.
29. Брайдотти Р. *Постчеловек*. Данилов В, редактор. Москва: Издательство Института Гайдара; 2021. 408 с.
30. Бертель ЖЛ. *Общая теория права*. Денисенко ВИ, редактор. Москва: Nota bene; 2000. 576 с.
31. Бачило ИЛ. О методах и методологии в информационном праве. В: Полякова ТА, Наумов ВБ, Талапина ЭВ, редакторы. *Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы*. Москва: Канон+; 2018. с. 20–27.
32. Агацци Э. *Моральное измерение науки и техники*. Лекторский ВА, редактор. Москва: МФФ; 1998. 388 с.
33. Загоруйко КФ, Керимова ЕА. Правовой институт : понятие и виды. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4, Государство и право*. 2001;4:12–14.
34. Довнар НН. Институциональная характеристика правового регулирования СМИ: особенности современного этапа. *Вестник университета им. О. Е. Кутафина*. 2019;12:113–120. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.64.12.113-120.